РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 31. 31-го Іюля 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА. Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

(Продолженіе.)

ВЫЙДЯ на площадь около Сѣвернаго вокзала, Арсеній сразу замѣтилъ ресторанъ, въ которомъ онъ познакомился съ Кончеттою. Все было тамъ попрежнему, и воспоминанія волною нахлынули на князя.

— О чемъ ты, Арсюша, задумался?— повторила свой вопросъ княгиня,—ѣдемъ.

Князь, точно вырванный изъ сновидѣній, послушно сѣлъ рядомъ съ женою и карета покатилась.

Каждая улица, каждое зданіе, каждый уголокъ бельгійской столицы напоминали ему недавнее прошлое, его первую весну любви.

Помѣстивъ семью въ гостиницѣ, князь предложилъ Дунѣ посмотрѣть городъ.

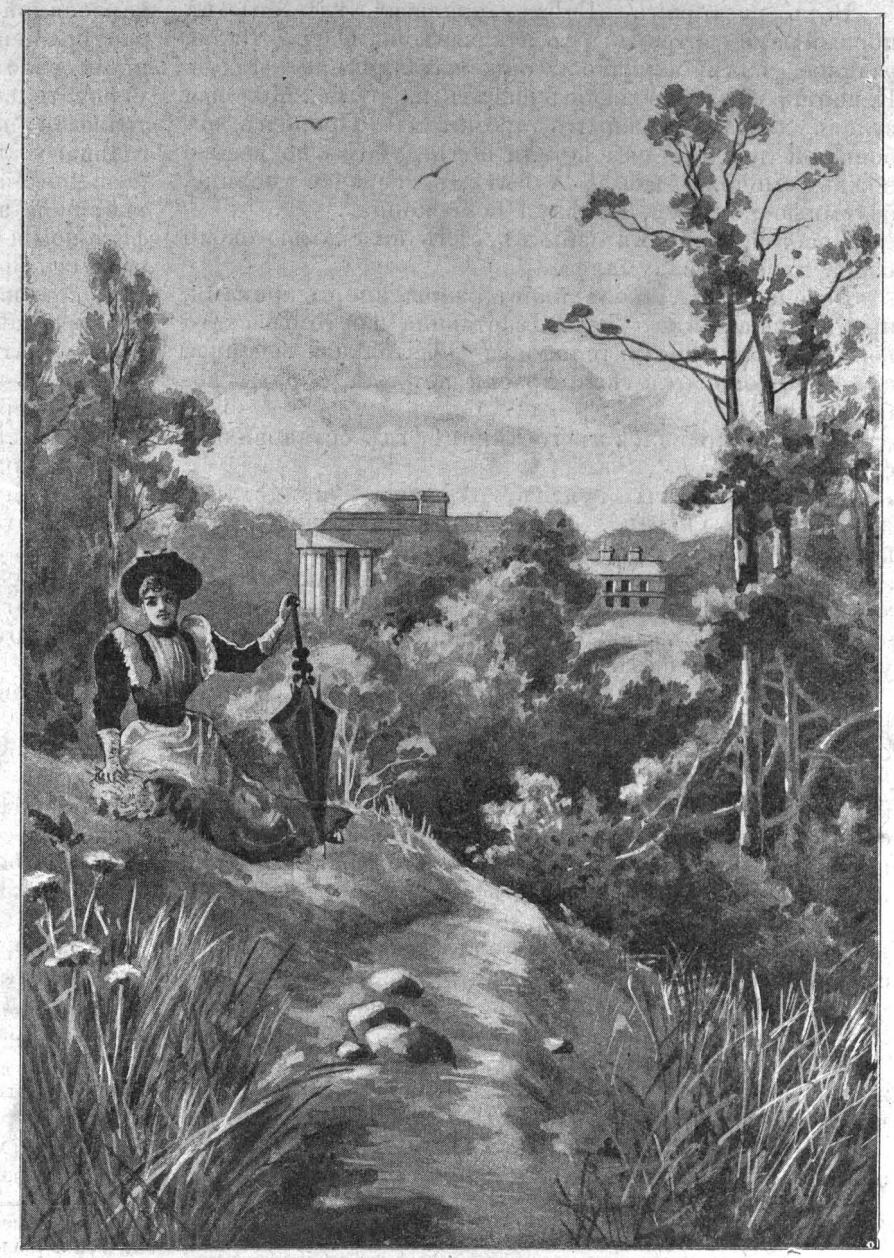
— Нѣтъ, дорогой мой, я устала дорогой, да и Колю нельзя оставить одного съ няней; ступай одинъ, на обратномъ пути я успѣю осмотрѣть Брюссель.

— Очень жаль, но что-же дѣлать, если это нельзя.

Но въ душѣ, самъ того не сознавая, Гостомыжскій былъ доволенъ отказомъ жены. Онъ желалъ въ одиночествѣ посѣтить всѣ тѣ мѣста, гдѣ бывалъ вмѣстѣ съ Кончеттою, отдаться вполнѣ воспоминаніямъ; присутствіе-же Дуни невольно заставило-бы его стѣсняться и чувствовать себя невольно виноватымъ предъ нею.

Быстро взбѣжалъ онъ въ верхнюю часть города по аллеѣ Ботаническаго сада.

— Вотъ здѣсь, подъ этимъ деревомъ, я ожидалъ, считая каждую минуту, когда наступитъ время нашего свиданія!—шепталъ онъ, глядя на тюльпанъ, еще больше выросшій и широко раскинувшій свои вѣтви.



Вдали отъ шума городского. Ориг. рис. А. Е. Невскаго.

Колонна конгресса, каменный парапетъ, повитый дымкою лежащій внизу подъ его ногами городъ,—все было ему въ эту минуту дорого, все будило воспоминанія, все рисовало образы. Минувшихъ двухъ лѣтъ какъ не бывало, онъ снова отдался прежнимъ мечтамъ. Горячее чувство его первой любви, весны его жизни, охватило все существо князя. Въ эту минуту онъ забылъ о вѣроломномъ поступкѣ итальянки, въ мысляхъ воспроизводилъ ихъ первое свиданіе. Точно искусный фотографъ, его мозгъ воспроизвелъ все до мельчайшихъ подробностей костюмъ, фигуру, лицо, выраженіе глазъ Кончетты; она стояла предъ нимъ, какъ живая.

Но очарованіе продолжалось не долго, первый свистокъ трамвая разрушилъ грезы князя. Точно проснувшись отъ пріятнаго сна, онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ вокругъ себя, вспомнилъ и отправился къ вагону трамвая, который быстро довезъ его до Камбрскаго лѣса.

Снова рой воспоминаній нахлынулъ на впечатлительную душу Арсенія. Онъ влюбленными глазами смотрѣлъ на всѣ эти аллеи, тропки, гдѣ нѣкогда бродилъ вмѣстѣ съ итальянкой, все было ему дорого, все заставляло работать его воображеніе.

Вотъ ресторанъ „Гнѣздо соловья“, гдѣ онъ въ первый разъ завтракалъ съ итальянкой... Озеро, тихое, гладкое, какъ зеркало... они катались на лодкѣ. Кончетта сама гребла, онъ сидѣлъ на рулѣ... Молодая зелень дышала нѣжнымъ ароматомъ. Прошелъ небольшой дождь,—они встали подъ дубомъ, но все-же дождь смочилъ ихъ... А затѣмъ горячее солнце, безумные поцѣлуи, поцѣлуи безъ конца...

Арсеній, точно въ забытьѣ, сѣлъ на скамью около озера и снова задумался.

Веселая толпа школьниковъ, оживленно, съ криками, пробѣжавшая мимо него, заставила Гостомыжскаго вернуться къ дѣйствительности. Обаятельная весенняя сказка мигомъ отлетѣла, краски потухли, образы поблѣднѣли.

Князь направился къ гостиницѣ, гдѣ остановилась его семья.

— Не долго ты гулялъ, Арсюша,—привѣтливо встрѣтила его княгиня.—Знаешь, намъ едва-ли удастся выѣхать сегодня дальше: Коля весь горитъ, у него зубки прорѣзываются. Что ты вдругъ поблѣднѣлъ?—замѣтивъ блѣдность мужа, спросила Дуня,—не бойся, это—пустяки, съ каждымъ ребенкомъ бываетъ. Къ утру пройдетъ, самъ увидишь.

Въ гостиницѣ Арсеній скучалъ, онъ душою рвался на эти знакомыя улицы, ближе къ этой толпѣ, свидѣтельницѣ его минувшаго увлеченія.

— Я вижу, голубчикъ, что тебѣ скучно,—улыбаясь, замѣтила Дуня,—иди, погуляй! Что тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть здѣсь, въ комнатѣ? Мнѣ это нужно ради ребенка, но, будь онъ здоровъ, я сама пошла-бы съ тобой прогуляться.

Князь пробовалъ возразить женѣ, но желаніе вырваться изъ комнаты сквозило въ каждомъ словѣ его возраженія.

— Иди, говорю тебѣ, иди, Арсюша! — убѣждала мужа Дуня, замѣчая его желаніе.

— Если ты такъ желаешь, чтобы я ушелъ, я, пожалуй, пройдусь, — сказалъ Арсеній, когда они окончили обѣдъ, поданный въ ихъ комнату.

И онъ снова очутился на улицахъ, сіявшихъ электрическимъ свѣтомъ.

Толпа шумно охватила молодого человѣка, онъ поддался ея теченію и безвольно слѣдовалъ за нею. Имъ овладѣло желаніе веселиться, смѣяться, инстинктъ толпы захватилъ его вполнѣ.

XXX.

Быстро прошелъ Гостомыжскій по Новой улицѣ, мимо театра „Де-ла-Моннэ“ и, повернувъ налѣво, очутился въ галлереѣ Санъ-Гюберъ. Пестрая толпа переполняла ее.

Каждый магазинъ, каждый уголокъ галлереи былъ знакомъ князю, онъ глядѣлъ на нихъ, какъ на старыхъ друзей. Вотъ здѣсь, у ювелира, онъ не разъ покупалъ для своей подруги подарки, въ томъ—вмѣстѣ съ нею выбиралъ онъ чемоданъ для вещей, отправляясь въ Парижъ. Открытый кіоскъ у входа въ особенности былъ ему знакомъ; около него нерѣдко останавливалась Кончетта, разсматривая новые журналы, выставленные въ витринахъ.

Нѣсколько разъ прошелъ князь взадъ и впередъ по галлереѣ, но, наконецъ, замѣтилъ, что часы около входа показывали девять. Арсеній съ сожалѣніемъ окинулъ глазами длинные ряды освѣщенныхъ магазиновъ и выбрался на улицу.

— Нужно спѣшить домой,—пробормоталъ князь и той-же дорогой отправился обратно.

На площади Брукэръ его вниманіе привлекъ залитый электричествомъ входъ въ кафе-концертъ „Скала“. Публика толпилась около гигантской афиши, наклеенной подлѣ двери. Бѣлая полоса бумаги была разукрашена различными разноцвѣтными изображеніями участвующихъ; посрединѣ помѣщалась фигура укротительницы звѣрей въ характерномъ костюмѣ травести *) съ хлыстомъ въ правой рукѣ. Вокругъ главнаго attraction (приманки) представленія были расположены остальные персонажи труппы. Изъ затѣйливой аляповатой рамки глядѣла размалеванная физіономія клоуна, были изображены акробаты въ разныхъ позахъ, шансонетныя пѣвицы съ игривою улыбкою на лицѣ, виртоузы и даже великанъ рядомъ съ карликомъ. Разнообразіе было полное.

Разсматривавшіе афишу зрители, повидимому знакомые съ искусствомъ того или другого артиста, громко передавали другъ другу свои впечатлѣнія.

— Билли Вильямсъ очень смѣшонъ,—разсказывалъ полный блондинъ своему товарищу, высокому рыжеватому юношѣ, указывая ему на клоуна.—Въ особенности у него хорошо выходитъ эта сцена, когда онъ изображаетъ журавля.

— Все это смѣшно, но скоро надоѣдаетъ,—замѣтилъ его собесѣдникъ,—меня пѣвички больше интересуютъ, знаешь, та хорошенькая брюнетка, какъ ее...

И юноша началъ глазами отыскивать на афишѣ ея имя.

— Фузильери? — подсказалъ ему его товарищъ.

— Ты угадалъ... какъ превосходно поетъ она „Funicula-Funiculi“, я всегда ей апплодирую, какъ бѣшеный.

Невольно слышавшій ихъ разговоръ Гостомыжскій вздрогнулъ. Эту пѣсенку не разъ напѣвала ему Кончетта, когда была въ хорошемъ расположеніи духа, и князю вдругъ страстно захотѣлось услышать этотъ бойкій мотивъ.

— Не только одно „Funiculi“ выходитъ у ней хорошо; развѣ не восхищается вся публика, когда, исполняя „Tira la gamba“ (свело ногу), она такъ смѣшно мимируетъ **); я каждый разъ хохочу отъ души.

И оба молодыхъ человѣка направились къ кассѣ.

— Странное совпаденіе, — изумленно прошеп-

*) Травести (отъ итальянскаго travestire—переодѣвать)—комическій маскарадный костюмъ.

**) Движеніе мышцъ для большей выразительности высказываемой мысли.

талъ Арсеній.—Кончетта частенько комично исполняла мнѣ эту пѣсенку.

Его невольно потянуло посмотрѣть и послушать эту Фузильери, и онъ вошелъ въ вестибюль. У кассы стояла масса народа. Князь терпѣливо дождался своей очереди.

— Дайте мнѣ кресло.

— Только перваго ряда, всѣ остальныя распроданы,—послышался изъ окошечка кассы голосъ кассирши,—четыре франка.

— Все равно, дайте.

Спектакль уже начался, когда онъ вошелъ въ залъ и, стараясь не шумѣть, прошелъ въ первый рядъ

На сценѣ ломался клоунъ, про котораго разсказывалъ у входа блондинъ.

Арсеній невнимательно смотрѣлъ на его кривлянья, на старанія разсмѣшить публику. Цѣлый рядъ артистовъ съ обычнымъ для кафе-концерта однообразіемъ смѣнялся на сценѣ. Князь начиналъ скучать, онъ уже подумывалъ, не отправиться-ли ему къ своимъ въ гостиницу, но упрямое желаніе услышать знакомыя ему пѣсенки удерживало его. Исполнительница ихъ, Фузильери, стояла въ числѣ послѣднихъ номеровъ на программѣ, но ждать приходилось сравнительно не долго, такъ какъ въ Бельгіи всѣ представленія заканчиваются не позже двѣнадцати часовъ.

Первое отдѣленіе окончилось, сопровождаемое градомъ аплодисментовъ.

Послѣ небольшого антракта на сценѣ появилась клѣтка со львами. Миссъ Зенобія, укротительница, храбро вошла къ нимъ въ клѣтку, и началась обыденная жалкая комедія, въ которой животныя выказывали себя лучше, умнѣе, чѣмъ люди, старающіеся ихъ раздразнить и сдѣлать ихъ свирѣпыми.

Съ какимъ-то нескрываемымъ наслажденіемъ смотрѣла публика на это дикое представленіе. Глаза зрителей расширялись отъ удовольствія, въ человѣкѣ просыпался звѣрь.

Укротительница продѣлала всѣ свои упражненія со львами, била ихъ хлыстомъ, стрѣляла изъ пистолета, вкладывала въ пасть одного изъ нихъ свою голову и т. п., и, наконецъ, выскочила изъ клѣтки, граціозно раскланиваясь съ публикой. Клѣтку увезли и спектакль продолжался.

Небольшой оркестръ заигралъ знакомый Арсенію мотивъ, хотя онъ не могъ сразу вспомнить, гдѣ онъ его слышалъ.

Со сцены раздался женскій голосъ, кто-то запѣлъ.

Гостомыжскій нервно вздрогнулъ и поднялъ глаза. Предъ нимъ на подмосткахъ стояла Кончетта. Національный костюмъ неаполитанки, надѣтый на ней, сразу воскресилъ въ памяти князя былое. Да, это была она, его первое увлеченіе, предметъ весны его любви. Онъ сразу узналъ ее, несмотря на то, что она пополнѣла, развилась. Тотъ-же голосъ, который съ первой ихъ встрѣчи очаровалъ князя, серебристо лился въ бойкой мелодіи народной пѣсенки, точно змѣйка заползая въ душу Арсенія. Онъ пожиралъ Кончетту глазами, забывая въ эту минуту любимую имъ Дуню, ея ребенка, бабушку, весь міръ. Онъ весь былъ подъ вліяніемъ знакомыхъ ему чаръ красавицы-пѣвицы.

Итальянка окончила пѣть, ее заставили снова. Звучала комическая „Tira la gamba“. Изобразивъ на своемъ лицѣ гримасу и поджавъ ногу, Кончетта прыгала на другой по сценѣ, возбуждая единодушный смѣхъ среди зрителей.

Князь никого не видѣлъ, кромѣ нея, и, когда она ушла со сцены, онъ быстро выбѣжалъ изъ зрительнаго зала и направился въ уборныя.

— Кого вамъ надо?—спросилъ Арсенія сторожъ, но онъ, ничего не отвѣтивъ ему, сталъ разсматривать карточки съ именами артистовъ на дверяхъ уборныхъ.—Фузильери!—громко прочиталъ онъ фамилію и, рванувъ рукою дверь, вошелъ въ уборную.

XXXI.

Кончетта, сидѣвшая у зеркала и только что успѣвшая снять свой полотняный головной уборъ, обернулась на шумъ отворяемой двери и быстро окинула взглядомъ вошедшаго.

— Это—ты!—немного изумленно проговорила дѣвушка, узнавъ князя.

Ея восклицаніе невольно остановило молодого человѣка; отъ волненія, овладѣвшаго имъ, онъ не въ силахъ былъ произнести ни слова.

— Здравствуй, Арси,—весело продолжала Кончетта и протянула ему руку, точно они только наканунѣ еще видѣлись,—дай мнѣ на тебя взглянуть.

Итальянка обожгла Арсенія своимъ глубокимъ взглядомъ, такимъ, котораго раньше онъ никогда не замѣчалъ у нея.

— Кончетта!—глухо проговорилъ Гостомыжскій, причемъ слова съ трудомъ выходили изъ его горла.

— Какой ты сталъ робкій, вотъ чудакъ-то!

Пѣвица встала со стула и порывисто обняла Арсенія. Ея черные блестящіе волосы, не сдерживаемые уборомъ, широкой волной разсыпались по плечу князя, задѣвая его щеку. Онъ вздрогнулъ и жадно поцѣловалъ итальянку.

— Вотъ это такъ! а то стоишь предо мною, точно мы другъ друга не знаемъ!—и Кончетта комически изобразила приходъ Гостомыжскаго.

— Надолго ты пріѣхалъ?—спросила она Арсенія.

— Не спрашивай, самъ не знаю...

— Вотъ какъ!—замѣтила Кончетта.—Странно!

— Я теряю голову!—безпомощно прошепталъ князь.

— Пустяки, Арси, она останется на твоихъ плечахъ. Я очень рада, что ты вспомнилъ свою маленькую пріятельницу и пришелъ ко мнѣ. Надѣюсь, что ты не сердишься на меня за ту послѣднюю штуку, которую я тогда продѣлала съ тобою?

— Ахъ, Кончетта, если-бы ты знала только...

— Ну, ну, дружокъ, не сердись, поцѣлуй меня только сюда!—и пѣвица указала на свою шею.

Арсеній жадно прильнулъ губами къ указанному мѣсту.

— Ну, довольно, будемъ благоразумны! теперь мы помирились, не такъ-ли?

— Я... я люблю тебя!—шепталъ молодой человѣкъ.

— Знаю, вѣрю, надѣюсь, что ты, пока здѣсь... не будешь забывать твоей Кончетты?—прошептала пѣвица и снова пристально взглянула на Арсенія.

Вмѣсто отвѣта князь судорожно сжалъ ея руки.

Обручальное кольцо блеснуло на правой рукѣ Арсенія. Итальянка замѣтила его, но не подала вида.

— Когда, когда мы съ тобой увидимся?—порывисто спросилъ Гостомыжскій.

Кончетта улыбнулась и ласково отвѣтила:

— Каждый день до семи часовъ вечера я свободна; когда желаешь, тогда и приходи ко мнѣ.

— Гдѣ ты живешь?

— Горная улица, номеръ шестой, меблированныя комнаты. Хотя я и рада тебя видѣть, но уходи, мнѣ теперь некогда.

(Продолженіе будетъ.)

Послѣдняя встрѣча.

(Разсказъ изъ русско-японской войны.) **М. Ѳ. Караулова.**

(Продолженіе.)

ПАСТУПИЛА небольшая пауза, которую снова нарушила Марья Григорьевна:

— Что-же вы не продолжаете вашего интереснаго сообщенія?

— Но, вѣдь, ты-же сама находишь, что въ моихъ словахъ очень мало остроумнаго.

— Можно говорить о дѣлѣ безъ прибаутокъ и оскорбительныхъ намековъ.

— А вотъ оно что!.. Говоря откровенно, я и не предполагалъ, что между вами... ничего серьезнаго не было.

Марья Григорьевна вспылила:

— Вы на самомъ дѣлѣ, кажется, сегодня задались цѣлью говорить мнѣ дерзости!

— Нѣтъ, это ты способна сдѣлать мнѣ сцену изъ-за mademoiselle Кочковской...

— Какой такой Кочковской?

— Феликсы Казиміровны.

— Имя мнѣ ничего не объясняетъ.

— Неужели-же ты не знаешь балетной танцовщицы Кочковской, которая еще такъ граціозна, такъ обворожительна въ «pas noubiens»?

— Нѣтъ, извините, это ужъ по вашей части, а не по моей...

— Вѣроятно, теперь и ты начнешь интересоваться балетомъ.

— Это почему?

— Да хотя-бы для того, чтобы полюбоваться на свою счастливую соперницу.

Марья Григорьевна, ни слова не говоря, окинула мужа величественнымъ взглядомъ и вышла изъ комнаты.

Прибыльскій посмотрѣлъ ей вслѣдъ и подумалъ, что на этотъ разъ крылышки опалила, кажется, его супруга, а не лихой гвардеецъ.

Что-же касается до Марьи Григорьевны, то она, дѣйствительно, не могла удержаться отъ любопытства и на первомъ-же балетномъ спектаклѣ появилась въ одной изъ ложъ бельэтажа.

Присутствіе жены нисколько не удивило господина Прибыльскаго, находившагося на своемъ обычномъ мѣстѣ въ первомъ ряду креселъ. Онъ былъ увѣренъ, что это такъ и должно случиться, что всякая женщина непремѣнно пожелаетъ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на свою счастливую соперницу и найти въ ней массу существующихъ и не существующихъ недостатковъ.

— Посмотрите-ка, Михаилъ Ѳедоровичъ на мою благовѣрную,—обратился онъ къ подошедшему къ нему Гулевичу, указывая на занятую Марьей Григорьевной ложу: — не правда-ли, какъ она сегодня эффектна?

— Какъ всегда,—согласился съ нимъ Михаилъ Ѳедоровичъ.

— А знаете-ли вы, зачѣмъ она появилась сегодня въ балетѣ?

— Я думаю для того-же, для чего и мы съ вами... вся остальная публика...

— Это не совсѣмъ такъ.

Михаилъ Ѳедоровичъ догадался, что добродушный супругъ намѣревается пройтись насчетъ его новыхъ отношеній къ Кочковской, и потому поспѣшилъ заговорить съ однимъ проходившимъ однополчаниномъ.

Его превосходительство остался крайне недоволенъ, что не успѣлъ довести свою шутку до конца и, подхвативъ подъ руку какого-то юнаго «мотылька», давно уже безнадежно влюбленнаго въ Марью Григорьевну, повелъ его въ ложу жены.

Въ антрактѣ въ этой-же ложѣ на короткое время появился и Михаилъ Ѳедоровичъ.

— Я положительно не понимаю, что нѣкоторые находятъ въ Кочковской,—обратилась къ нему Марья Григорьевна, дѣлая ударепіе на словѣ «нѣкоторые».

— Она — довольно талантливая артистка, хоть и изъ второстепенныхъ,—сухо замѣтилъ Гулевичъ.

— Ей просто мѣсто танцовать у воды, какъ выражаетесь вы, господа балетоманы,— не унималась мадамъ Прибыльская.

— Не смѣю спорить-съ...

— Кромѣ того, у нея вовсе не сценическая наружность.

— Это—дѣло вкуса.

— А какъ она на вашъ вкусъ?

— Едва-ли это васъ можетъ интересовать, — проговорилъ вопрошаемый и поторопился откланяться.

Этотъ поспѣшный уходъ еще болѣе разсердилъ Марью Григорьевну и она обрушила весь свой гнѣвъ на бѣднаго влюбленнаго въ нее «мотылька», который просидѣлъ въ ея ложѣ весь первый актъ и, очевидно, намѣревался остаться при ней до конца спектакля.

— Что-же вы не выскажете вашего мнѣнія о госпожѣ Кочковской?

— Но... но я ея совсѣмъ не знаю...

— Для чего-же тогда вы ѣздите въ балетъ?

— Я... я люблю музыку.

— Для этого есть опера.

— Оперная музыка для меня черезчуръ серьезна. Кромѣ того, вы сами не находите этой танцовщицы заслуживающей вниманія.

— А развѣ у васъ нѣтъ своего собственнаго мнѣнія? Это очень жалко!

— То есть... я уже говорилъ вамъ, что я ея совсѣмъ не знаю.

— Въ такомъ случаѣ, постарайтесь какъ-нибудь съ ней познакомиться.

— Это для чего?

— Потому что гораздо благоразумнѣе ухаживать за подобными особами, нежели вздыхать около замужнихъ женщинъ.

Бѣдный влюбленный «мотылекъ», наконецъ, понялъ, что Марья Григорьевна на этотъ разъ не въ духѣ, и рѣшился ретироваться.

— Что, батюшка, — обратился къ нему въ партерѣ Прибыльскій, — супруга моя сегодня что-то не тае?

— Марья Григорьевна, дѣйствительно, нынче чѣмъ-то разстроена...

— А вы не унывайте и постарайтесь ее настроить... Ха-ха-ха!

Его превосходитель тво очень любилъ посмѣяться надъ опалившимъ свои крылья мотылькомъ.

А Марья Григорьевна въ теченіе всего спектакля не сводила бинокля съ Кочковской, что не укрылось отъ Михаила Ѳедоровича, и ему стало досадно и на нее, и на ея болтливаго супруга.

Кто-же, кромѣ него, могъ сообщить ей о его отношеніяхъ къ Кочковской?

Послѣ этого Михаилъ Ѳедоровичъ прожилъ въ Петербургѣ еще болѣе года, затѣмъ вышелъ въ отставку и совсѣмъ забылъ про Марью Григорьевну. Теперь, присутствуя на его помолвкѣ, Марья Григорьевна вспомнила старую свою обиду и рѣшила какъ-нибудь ему отмстить.

Для этого она воспользовалась первымъ-же свиданіемъ съ Антониной Михайловной, довольно часто навѣщавшей свою кузину.

VI.

— Я положительно не понимаю этихъ мужчинъ, — начала Марья Григорьевна, когда Тоня заговорила о своемъ женихѣ.

— Ты говоришь о Михаилѣ Ѳедоровичѣ?

— О всѣхъ мужчинахъ вообще и о немъ въ частности...

— Что-же ты находишь въ немъ такого непонятнаго? — удивлялась молодая дѣвушка.

— Каждый мужчина совершенно свободно способенъ ухаживать за нѣсколькими женщинами...

— Ну, Михаилъ Ѳедоровичъ не изъ такихъ!

— Ты думаешь?

— Я въ этомъ убѣждена!

— Тѣмъ лучше для тебя, кузина! «Блаженъ, кто вѣруетъ, тепло ему на свѣтѣ!»

— Нѣтъ, положительно, или ты, дѣйствительно, знаешь про Михаила Ѳедоровича что-нибудь такое, чего я не знаю, или хочешь просто пошутить надо мной; но, въ такомъ случаѣ, знай, что я нахожу подобныя шутки и злыми, и неумѣстными!..

— Но развѣ я шучу?—непритворно удивилась Марья Григорьевна.

Бѣдная Тоня окончательно растерялась и на глазахъ ея готовы были навернуться слезы.

— Въ такомъ случаѣ, къ чему эти полуфразы и намеки... Говори, въ такомъ случаѣ, все, что знаешь. Не терзай меня, не разрывай моего сердца,—проговорила она и потомъ, какъ-бы про себя, прибавила:—если начала, такъ ужъ нечего медлить... Но зачѣмъ ты затѣяла весь этотъ разговоръ?... я такъ была счастлива!..

— Я ничего тебѣ болѣе не скажу, если это такъ тебя волнуетъ,—проговорила Марья Григорьевна, нѣжно беря ее за руку, и этимъ только подлила масла въ огонь.

— Нѣтъ, теперь я имѣю даже право требовать, чтобы ты говорила... Продолжай!..

Марья Григорьевна пожала плечами.

— Собственно говоря, ничего особеннаго про Михаила Ѳедоровича я не знаю... Онъ дѣлаетъ то-же самое, что и сотни другихъ мужчинъ нашего круга... Мой мужъ, напримѣръ...

— Ну, твой благовѣрный не отличается особенной нравственностью!

— Вотъ видишь, ты сама это находишь, но могу тебя

ВЪ КОНЦѢ ЛѢТА.

Какъ ясенъ день,
Какъ воздухъ чистъ!
Бросая тѣнь,
Чуть шепчетъ листъ.
Замолкнулъ лѣсъ
И не шумитъ,
И лучъ съ небесъ
Его палитъ!
Но подождите, зной пройдетъ
И холодкомъ пахнетъ съ полей,
Въ уборѣ звѣздномъ ночь придетъ,
Придетъ прохлада вмѣстѣ съ ней.
Взойдетъ двурогая луна,
Посеребритъ поля и лугъ,
Сверкнетъ надъ ней рѣки волна,
Что вся истома и испугъ.
Она боится и дрожитъ,
Куда-то хочетъ убѣжать,
А мѣсяцъ ласково глядитъ
Въ рѣки серебряную гладь!

Ив. Епифановъ.

ВЪ ЯСНЫЙ ДЕНЬ. Ориг. рисун. **Е. Степанова**

увѣрить, что и остальные не лучше его: также проводятъ ночи въ клубѣ за картами, также пьютъ шампанское въ отдѣльныхъ комнатахъ ресторана съ парижскими этуалями, также заводятъ мимолетныя или долговременныя интрижки въ балетѣ.

— По-твоему, и Михаилъ Ѳедоровичъ дѣлаетъ то-же самое?

— Нѣтъ, въ карты онъ не играетъ и по ресторанамъ ходить не любитъ, иначе онъ чаще встрѣчался-бы съ моимъ супругомъ; но и у нихъ есть общее мѣсто, которое они посѣщаютъ довольно часто...

— И это?

— Балетъ... храмъ богини Терпсихоры, одна изъ жрицъ которой, Феликса Казиміровна Кочковская, пользуется особымъ расположеніемъ твоего жениха...

— Пользуется или пользовалась?

— Не все-ли тебѣ это равно!

— Нѣтъ... ты напрасно считаешь меня за такую наивную институтку, которая требуетъ отъ мужчины, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ увлеченій до брака...

— Этого никто и не говоритъ... Но разъ если кто оффиціально объявленъ женихомъ, то тому надо разстаться со своими старыми увлеченіями, хотя-бы на время... медоваго мѣсяца...

— Я никогда не предполагала въ тебѣ столько цинизма!

— На то мы и живемъ въ двадцатомъ столѣтіи...

— Жалкое столѣтіе... Впрочемъ, ты, вѣроятно, намѣр на мнѣ сообщить еще какія-нибудь подробности о Михаилѣ Ѳедоровичѣ?

— Развѣ тебѣ не все сказано?

— Изъ твоихъ словъ я поняла только то, что какая-то мадемуазель Кочковская и до сихъ поръ продолжаетъ находиться въ дружескихъ отношеніяхъ съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ.

— Можетъ быть, я и ошибаюсь...

— Въ такомъ случаѣ, тебѣ не дѣлаетъ чести голословно обвинять порядочнаго человѣка.

— Ты можешь провѣрить мои слова.

— Какимъ образомъ? Шпіонствомъ? Это не достойно ни его, ни меня!

— Тогда тебѣ остается только одно: примириться съ существующимъ фактомъ.

— Ты опять утверждаешь, что это—фактъ?

— Ахъ, Боже мой, on ne peu pas mettre toujours les points sur les i *)!..

И при послѣднихъ словахъ Марья Григорьевна стала поспѣшно собираться домой, вполнѣ довольная собою и своей местью.

Она и не подозрѣвала, какой ядъ влили ея слова въ душу Тони и къ какимъ тяжелымъ послѣдствіямъ поведутъ ея «невинныя разоблаченія» интимной жизни Михаила Ѳедоровича.

А Тоня весь день провела въ страшномъ кошмарѣ, отказалась отъ обѣда и не спала всю ночь.

Подъ утро она рѣшилась при содѣйствіи другой своей замужней подруги провѣрить правдивость словъ своей кузины, хотя все еще колебалась, находя такое выслѣживаніе несовмѣстнымъ со своимъ достоинствомъ.

Но любовь мало разсуждаетъ и способна на всякіе компромиссы, а потому уже къ обѣду Тоня знала, что Михаилъ Ѳедоровичъ, дѣйствительно, бываетъ довольно часто у балетной танцовщицы Кочковской и что его посѣщенія особенно участились въ послѣднее время, т. е., со дня его помолвки.

Тогда Тоня, не внимая голосу благоразумія, твердившему ей, что обвинять Михаила Ѳедоровича на этихъ основаніяхъ, по меньшей мѣрѣ, рано, рѣшила, что она нагло обманута, и написала Гулевичу письмо, въ которомъ отказывала ему въ рукѣ.

«Вы сами должны знать тѣ причины, которыя заставляютъ меня отказаться отъ всякихъ мечтаній, отъ возможности счастья здѣсь, на землѣ,—такъ заканчивала она свое письмо,—но, во всякомъ случаѣ, какъ обстоятельства ни стѣсняли-бы для человѣка прямолинейное направленіе на жизненномъ пути, откровенность, полная откровенность все-таки представляетъ лучшій исходъ изъ такого тяжелаго положенія».

Получивъ это письмо, Михаилъ Ѳедоровичъ бросился къ Липецкимъ, но его не приняли.

Такое приказаніе было отдано Тоней безъ вѣдома стариковъ, которые все еще предавались розовымъ мечтамъ о будущемъ счастьѣ своей дочери.

VII.

Въ то время какъ въ семьѣ Липецкихъ происходили всѣ только что разсказанныя событія, надъ Россіей разразилась военная непогода: была объявлена война Японіи за ея вѣроломное нападеніе на наши военныя суда подъ Портъ-Артуромъ и Чемульпо.

Платонъ Семеновичъ каждое утро проводилъ за чтеніемъ телеграммъ и за топографическими картами, отмѣчая на нихъ флажками расположенія нашихъ и непріятельскихъ морскихъ и сухопутныхъ силъ; какъ человѣкъ, воспитанный еще въ старыхъ нашихъ военныхъ традиціяхъ, онъ былъ убѣжденъ, что мы «япошекъ шапками закидаемъ».

Такъ и въ утро, послѣдовавшее послѣ отсылки рокового письма, Тоня, войдя въ кабинетъ отца, застала его за топографическими картами и планами.

— Чего тебѣ?—ласково обратился къ дочери Платонъ Семеновичъ.

— Папа, я отказала Михаилу Ѳедоровичу,—съ напускнымъ спокойствіемъ заявила Тоня.

Старикъ удивленно вытаращилъ глаза и переспросилъ:

— Какъ? что ты сказала?

Тоня повторила свою фразу.

— Но почему-же? Что такое про зошло между вами?—продолжалъ удивляться старикъ Липецкій.

— Просто мы не сошлись съ нимъ характерами,—пожала дѣвушка плечами.

Липецкій никогда и ни въ чемъ не перечилъ своей любимицѣ-Тоничкѣ, а потому и на этотъ разъ только проговорилъ:

— Дѣлай, какъ знаешь, а только врядъ-ли тебѣ найти лучшаго мужа, какъ Михаилъ Ѳедоровичъ.

— Да я и замужъ выходить больше не думаю,—серьезно отвѣтила Тоня.

— Въ такомъ случаѣ, купи себѣ мопса и оставайся всю жизнь старою дѣвою,—пошутилъ Липецкій, не допускавшій даже и мысли, что ему не придется въ ближайшемъ будущемъ нянчиться съ внучатами.

Тѣмъ не менѣе, онъ еще разъ попытался узнать истинную причину размолвки молодыхъ людей, но Тоня твердила все одно и то-же: что они не сошлись характерами.

— Только что мы успѣли начать войну съ японцами, какъ ты уже объявляешь о своемъ разрывѣ съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ... Вотъ теперь его и пошлютъ на Дальній Востокъ для перемѣны характера,—попробовалъ еще разъ пошутить Липецкій, все еще надѣявшійся на благополучный исходъ происшедшаго между Тоней и ея женихомъ недоразумѣнія.

— Съ какой-же стати могутъ взять на войну Михаила Ѳедоровича?—затревожилась Тоня.

— Это твоего-то отставного жениха? Это о его судьбѣ ты теперь начинаешь безпокоиться? Успокойся, отставныхъ на войну силкомъ не берутъ. Вотъ, если-бы онъ у тебя считался въ запасѣ, это—другое дѣло.

Но возможность отъѣзда Михаила Ѳедоровича на войну страшно взволновала Тоню и она нашла шутку своего отца неумѣстною, и съ упрекомъ сказала:

— Можно-ли, папа, шутить надъ людьми, которые собираются идти на смерть!

— Прежде всего, кто тебѣ говоритъ что Михаилъ Ѳедоровичъ пойдетъ на войну? а во-вторыхъ, разъ ты ему отказала, то не все-ли тебѣ равно гдѣ будетъ находиться его штабъ-квартира: въ Портъ-Артурѣ или «Животинномъ»?

Послѣднее упоминаніе о «Животинномъ», словно ножомъ, рѣзнуло Тоню по сердцу и на глазахъ ея навернулись слезы: ей вспомнились прошлое счастливое лѣто, проведенное въ своихъ родныхъ «Рогожкахъ», старый паркъ съ вѣковыми липами, причудливыми, полуразвалившимися бесѣдками и подернутыми зеленью прудами, напоминавшими Михаилу Ѳедоровичу ботвинью.

Какъ это было недавно и какъ много прошло съ тѣхъ поръ времени!

Но старикъ Липецкій не могъ, конечно, понять причину тониныхъ слезъ и истолковалъ ихъ по-своему: онъ рѣшилъ, что его милая дочурка просто повздорила со своимъ женихомъ, сгоряча ему отказала и теперь пришла къ нему съ просьбою, чтобы онъ посодѣйствовалъ ихъ примиренію.

Поэтому онъ притянулъ Тоню къ себѣ и ласково проговорилъ:

— Успокойся, дружокъ! Я сегодня-же съѣзжу къ Михаилу Ѳедоровичу и переговорю съ нимъ... Ты увидишь, что между вами уладится.

— Нѣтъ, папа, нѣтъ, мое рѣшеніе безповоротно,—горячо заявила Тоня.

Старикъ только руками развелъ:

— Ну, мать моя, дѣлай, что хочешь, только долженъ тебѣ сказать, что я во всей вашей исторіи ничего не понимаю! Ты переговорила-бы хотя съ матерью, можетъ быть, она научила-бы тебя уму-разуму.

— Я съ мамой уже говорила.

— И что-же она?

— Послала къ вамъ.

— Значитъ, ты и ей ничего путнаго не сказала?

— Что-же я могу больше говорить?

— А все-таки я посовѣтывалъ-бы тебѣ прежде подумать, чѣмъ предпринимать такой рѣшительный шагъ. Вѣдь, ты не одну свою жизнь разбиваешь: у Михаила Ѳедоровича, я думаю, тоже кошки на сердцѣ скребутся.

— Едва-ли!

*) Т. е., нельзя-же всегда ставить точки надъ і.

— Погоди, вотъ мы послѣ, совмѣстно съ Анной Васильевной, какъ примемся за тебя, такъ ты и поймешь, что нельзя дѣйствовать такъ, сгоряча...

— Вы меня извините, папа, но, чтобы вамъ показать, насколько я серьезно отношусь къ своему рѣшенію, я должна сознаться, что Михаилъ Ѳедоровичъ вчера былъ у насъ и я его не приняла.

— Во всякомъ случаѣ, это дѣло еще можно уладить.

— Никогда.

— Да онъ-то самъ знаетъ причину твоего отказа?

— Конечно, догадывается.

— Только догадывается?

— Я ему отказала въ рукѣ письменно и, насколько мнѣ кажется, письмо не нуждалось ни въ какихъ комментаріяхъ.

Платонъ Семеновичъ тяжело вздохнулъ:

— Дѣлай, какъ знаешь, только напрасно ты отъ своего счастья отказываешься.

— Ничего, папа, я при васъ останусь, — нѣжно проговорила Тоня и поцѣловала отца въ лысину.

Тотъ притянулъ ее къ себѣ, пытливо посмотрѣлъ ей въ глаза и, вѣроятно, прочелъ въ нихъ что-то неутѣшительное, такъ какъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Пеняй на себя, а я тутъ не при чемъ!

Тоня вышла, а Платонъ Семеновичъ безпокойно зашагалъ взадъ и впередъ по своему кабинету, размышляя, какъ-бы уладить все это дѣло.

Въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ, ничего не говоря ни женѣ, ни дочери, лично съѣздить къ Михаилу Ѳедоровичу и узнать отъ него истинную причину разрыва.

Въ тотъ-же день, послѣ завтрака, онъ привелъ это рѣшеніе въ исполненіе, но не засталъ Гулевича дома: ему сказали, что тотъ поѣхалъ къ военному министру.

Когда-же Платонъ Семеновичъ пріѣхалъ къ Гулевичу на слѣдующій день, то узналъ, что Михаилъ Ѳедоровичъ уѣхалъ къ себѣ въ «Животинное».

Имѣя большія знакомства въ главномъ штабѣ, Липецкій поспѣшилъ справиться тамъ, не подавалъ-ли отставной штабсъ-ротмистръ Гулевичъ прошенія объ отправленіи его въ дѣйствующую армію, и ему сообщили, что тотъ уже зачисленъ въ одну изъ казачьихъ частей на Дальнемъ Востокѣ.

Вскорѣ послѣ того Липецкіе узнали, что Михаилъ Ѳедоровичъ выѣхалъ въ Манчжурію, и въ то-же время Тоня, стороною, при посредствѣ той-же своей подруги, узнала, что Феликса Казиміровна Кочковская поступаетъ въ сестры милосердія и ѣдетъ въ дѣйствующую армію.

VIII.

— Нѣтъ, папа, я тебѣ еще разъ повторяю, что не могу оставаться здѣсь, когда тамъ далеко льется русская кровь, страдаютъ близкіе намъ люди..

— И въ числѣ ихъ эсаулъ Гулевичъ!

Такой разговоръ происходилъ между старикомъ Липецкимъ и его дочерью въ томъ-же самомъ кабинетѣ, въ которомъ Тоня сообщила отцу о своемъ разрывѣ съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ; теперь та-же самая Тоня собиралась ѣхать сестрою милосердія на Дальній Востокъ.

Побудительной причиной къ тому послужило слѣдующее обстоятельство.

Предъ самымъ своимъ отъѣздомъ на Дальній Востокъ Феликса Казиміровна написала Тонѣ письмо, въ которомъ упрекала ее въ томъ, что, благодаря ей, Михаилъ Ѳедоровичъ отправился на войну.

«Если съ нимъ случится несчастье, то знайте, что вы тому причиной»,—писала ей, между прочимъ, Кочковская, и эти слова навели Тоню на такого рода размышленія.

Развѣ можетъ такъ говорить счастливая соперница? Развѣ эта балетная танцовщица не признаетъ превосходства Тони предъ нею? Ради кого поѣхалъ Михаилъ Ѳедоровичъ подъ японскія пули?

И тутъ, въ первый разъ послѣ ея разрыва съ женихомъ, въ душу Тони закралось сомнѣніе и ей припомнились слова отца: «пеняй на себя, а я тутъ не при чемъ!».

На самомъ дѣлѣ, не слишкомъ-ли поторопилась она въ своемъ рѣшеніи, довѣрившись пустой болтовнѣ Марьи Григорьевны и свѣдѣніямъ, собраннымъ для нея другою такою-же трещеткой?

Съ другой стороны, странно, что Михаилъ Ѳедоровичъ не захотѣлъ оправдаться предъ нею, если чувствовалъ себя правымъ.

Но тутъ она опять вспомнила, что Гулевичъ былъ у нихъ уже послѣ ея письма и она-же сама не приказала его принимать.

Развѣ это—не оскорбленіе? Что-же ему оставалось дѣлать въ такомъ положеніи?

Послѣ такихъ соображеній, на которыя потребовалось нѣсколько безсонныхъ ночей, Тоня пришла къ совершенно неожиданному для себя выводу, что это она виновата предъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ и не только предъ нимъ однимъ, но косвенно и предъ Феликсой Казиміровной, и рѣшила ѣхать на Востокъ искупать свою вину.

— Я ѣду оказывать помощь всѣмъ страждущимъ воинамъ, а потому, конечно, и Михаилъ Ѳедоровичъ входитъ въ ихъ число,—спокойно проговорила Тоня, хотя всего какихъ-нибудь нѣсколько дней назадъ эта шутка отца ей не понравилась-бы.

— Не буду говорить о себѣ, но подумала-ли ты, по крайней мѣрѣ, о своей матери? Вѣдь, твое рѣшеніе можетъ вконецъ убить старуху!—ласково проговорилъ Липецкій.

— Я увѣрена, что мама, на моемъ мѣстѣ, сдѣлала-бы то-же самое.

— Едва-ли!..

— Мама и теперь давно уже работаетъ на Красный Крестъ.

— Одно другому рознь! Въ залахъ Краснаго Креста ты не замерзнешь, не получишь тифа и не получишь японской шимозы въ лобъ!

— Но, вѣдь, и здѣсь, въ Петербургѣ, можетъ обвалиться штукатурка, переѣхать конка или отправить къ праотцамъ какая-нибудь эпидимическая болѣзнь...

— Положимъ, что въ этомъ отношеніи ты права: дома въ Петербургѣ, дѣйствительно, каждую минуту грозятъ развалиться, кучера конокъ давятъ прохожихъ весьма исправно и климатъ у насъ убійственный, но, тѣмъ не менѣе, это—не Манчжурія! Наконецъ, почему ты увѣрена, что мы дадимъ тебѣ свое согласіе на такой безумный поступокъ?

— Папа, вы сами—военный и потому понимаете, что грѣшно называть безуміемъ желаніе, по мѣрѣ силъ и возможности, принести пользу родинѣ.

Платонъ Семеновичъ замялся. Его, главнымъ образомъ, удивлялъ спокойный и убѣжденный, рѣшительный тонъ той, которую онъ до сихъ поръ считалъ за милую и немного взбалмошную дѣвушку, почти ребенка.

Анна Васильевна была, по обыкновенію, занята въ Красномъ Крестѣ, почему было рѣшено сообщить ей о желаніи Тони ѣхать на Дальній Востокъ за вечернимъ чаемъ.

— Если сказать ей о твоей затѣѣ за обѣдомъ, такъ она, чего добраго, ни до одного блюда не дотронется! — закончилъ старикъ Липецкій свой разговоръ съ дочерью, и Тоня вышла изъ кабинета, увѣренная въ успѣхѣ: она слишкомъ хорошо знала убѣжденія своего отца и покорное отношеніе къ всѣмъ его рѣшеніямъ Анны Васильевны.

За вечернимъ чаемъ, дѣйствительно, состоялся семейный совѣтъ и Тоня восторжествовала, хотя и не обошлось безъ слезъ и неизбѣжныхъ упрековъ, что ей грѣшно оставлять своихъ стариковъ, которые только живутъ и дышатъ ею.

Тоня и сама это очень хорошо понимала, но ничѣмъ ихъ утѣшить не могла, такъ какъ считала свое рѣшеніе безповоротнымъ.

Черезъ мѣсяцъ старики Липецкіе и небольшая кучка родныхъ и самыхъ близкихъ знакомыхъ провожали Тоню на вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги.

Когда поѣздъ тронулся, Платонъ Семеновичъ сталъ уговаривать свою жену перестать плакать, такъ какъ всѣ на нее обращаютъ вниманіе...

— Но, вѣдь, и у тебя самого на глазахъ слезы!—возразила ему Анна Васильевна.

— Это у меня старая контузія отзывается,—недовольно буркнулъ старый генералъ и полѣзъ въ карманъ за платкомъ.

(Окончаніе будетъ.)

ИНДѢЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО У ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛІЯ III. Оригин. рис **Б. Кремлева;** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**

НА ЖАТВѢ. Съ картины профес. **К. Вирушъ-Ковальскаго** грав. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

Утро въ деревнѣ.

Изъ-за лѣса солнце встало,
Засверкало, заблистало
По поверхности пруда.
Колыхнулись тихо нивы,
Птичекъ слышны переливы,
Побрели въ поля стада.
Струйкой дымъ надъ хатой вьется,
Гдѣ-то рѣзко раздается
Скрипъ немазанныхъ воротъ.

Пробираясь гумнами,
Съ коромысломъ и ведрами
Баба по воду идетъ.
Замеръ воздухъ, тишь нѣмая
Разлилась, благоухая,
Не шелохнутся листы.
Взглядъ твой усталъ не знаетъ:
Все чаруетъ и ласкаетъ —
Небо, зелень и цвѣты.

Т. Киселевъ.

Послѣдняя мина.

Набросокъ Ив. Епифанова.

ТО БЫЛО нѣчто чудовищное! Двѣ грозныя эскадры встрѣтились въ узкомъ проливѣ. Миноноски, крейсеры и броненосцы открыли со своихъ бортовъ ужасающую пальбу. Ядра, бомбы и мины бороздили водную поверхность, шипѣли и свистѣли въ воздухѣ, лопались, рвались и, попавши въ судно, съ трескомъ разворачивали и оголяли его бока. На палубахъ сражавшихся судовъ былъ адъ. Здѣсь было царство смерти. Отъ лопавшихся снарядовъ люди гибли десятками. Палуба, стѣнки, мостики, мачты, рубки, трубы—все это было залито кровью, повсюду валялись куски тѣла и отдѣльныя, оторванныя руки, ноги, головы... Это было нѣчто ужасное!

Впереди эскадры, безъ умолка стрѣляя и ловко лавируя, движется адмиральскій корабль. Суровый адмиралъ изъ своей боевой рубки зорко наблюдаетъ за вражьими судами и нажимомъ то одной, то другой электрической кнопки отдаетъ приказанія командѣ. Весь остовъ адмиральскаго судна дрожитъ отъ безпрерывныхъ выстрѣловъ; этимъ выстрѣламъ вторятъ другія суда; имъ отвѣчаетъ непріятельскій флотъ, и, кажется, само небо содрогается отъ грома пальбы.

Вотъ на сигнальной реѣ адмиральскаго корабля взвиваются сигнальные флаги; но сигналъ еще не оконченъ, какъ въ рею со свистомъ впивается граната, ломаетъ ее, и та съ трескомъ валится внизъ на палубу, ломая при своемъ паденіи все, что попадается на ея пути.

Врагъ, видимо, выбралъ для своихъ выстрѣловъ адмиральскій корабль и на немъ сосредоточилъ свой огонь. Вслѣдъ за выстрѣломъ, сорвавшимъ сигнальную рею, слѣдующій сорвалъ крышу съ адмиральской рубки. Огромный осколокъ гранаты рикошетомъ скользитъ по плечу командующаго флотомъ, срываетъ золотой погонъ и обнажаетъ тѣло, изъ котораго сочится кровь.

— Ваше превосходительство, вы ранены?—подскакиваетъ къ нему капитанъ.

— Пустое!—сжавъ крѣпко зубы, отвѣчаетъ адмиралъ.

— Необходимо перевязать рану!

— Займите свое мѣсто, капитанъ.

— Но у васъ рука не дѣйствуетъ.

— У меня ихъ двѣ!

Здоровой рукой нажата кнопка, а вслѣдъ за этимъ весь броненосецъ точно всколыхнулся. Еще-бы! Въ одинъ залпъ грянули выстрѣлы изъ всѣхъ двѣнадцатидюймовыхъ орудій. Но результата этого выстрѣла адмиралъ уже не видѣлъ. Въ этотъ моментъ онъ былъ раненъ въ голову и хлынувшая кровь залила суровое лицо флотоводца. Однако, онъ не растерялся, хотѣлъ что-то приказать, но новый осколокъ гранаты перебиваетъ ему ногу. Адмиралъ падаетъ, а броненосецъ, словно чуя гибель своего командира, начинаетъ крениться: двѣ мины попали въ бортъ броненосца и сдѣлали огромныя пробоины, черезъ которыя хлынула въ судно вода. Среди сумятицы, среди грома и треска снарядовъ, среди сотни павшихъ мертвыхъ тѣлъ снесли адмирала на палубу, уложили въ шлюпку, спустили ее и подъ перекрестнымъ огнемъ непріятельскихъ судовъ перевезли израненнаго страдальца на одинъ изъ миноносцевъ.

А адмиральскій корабль все кренится и кренится.

На одной изъ уцѣлѣвшихъ мачтъ его взвился сигналъ: «Адмиралъ раненъ и передаетъ команду». Это былъ послѣдній сигналъ съ гибнувшаго корабля, кренъ его достигъ послѣдняго градуса. Моментъ, и стальное чудовище легло на бокъ... еще мигъ, и надъ поверхностью воды виднѣется покрытое ракушками и водорослями дно; видно, какъ еще по инерціи вертятся гребные винты. Но вотъ они поднимаются выше и выше, бѣлый паръ окутываетъ то мѣсто, гдѣ былъ броненосецъ, и, когда онъ разсѣялся, на взбудораженной выстрѣлами поверхности воды уже не было замѣтно горделиваго красавца-броненосца, морская пучина поглотила его.

Не всѣ еще броненосцы погибли и на мѣстѣ адмиральскаго появляется другой. Спокойно и плавно выдвинулся онъ впередъ, продолжая свой убійственный огонь по непріятелю. Не остается въ долгу и тотъ, и его снаряды, какъ дождь, сыплются на выдвинувшійся впередъ броненосецъ.

Бой принимаетъ грандіозные размѣры. Грохотъ ядеръ и бомбъ смѣнился свистомъ пуль изъ пулеметовъ. Выпускаемыя по пятисотъ штукъ въ минуту, эти маленькія смертоносныя пульки скашиваютъ бойцовъ сотнями. Капитанъ выдвинувшагося броненосца спокоенъ за свою команду, онъ не нервничаетъ, а спокойно слѣдитъ, какъ его молодцы-матросы, артиллеристы-минеры, съ энтузіазмомъ отдавшись дѣлу, громятъ непріятельскія суда.

Но вотъ броненосецъ дрогнулъ.

— Что случилось, куда ударило?—спрашиваетъ командиръ.

— Въ носовую часть, капитанъ...

— Пустяки! Были-бы цѣлы машины и руль,—и по губамъ капитана пробѣгаетъ улыбка.

Новый ударъ почти надъ самой головой капитана, — съ трескомъ рушится труба и со звономъ падаетъ на палубу и въ море.

— Пристрѣлялись, подлые! — шепчетъ онъ и даетъ руль направо.

Но не успѣваетъ броненосецъ повернуться, какъ слышится новый трескъ и полмачты съ шумомъ валится на корму. Вотъ снесенъ носовой бакъ, уничтоженъ мостикъ, а броненосецъ все шлетъ и шлетъ свои убійственные снаряды.

— Что это?—лицо капитана поблѣднѣло. — Нѣтъ, не можетъ быть! Нѣтъ! Спаси Богъ! Это мнѣ чудится! Да, да, да. Конечно! Андреевскій флагъ не спускается и не долженъ спускаться! Нѣтъ! А то позоръ! Позоръ родному флоту!.. Но нѣтъ! на самомъ дѣлѣ это такъ! Господинъ лейтенантъ!

— Что прикажете, капитанъ?

— Смотрите, что это тамъ, среди эскадры?

Лейтенантъ взялъ бинокль, взглянулъ и, блѣднѣя, перевелъ свой взоръ на капитана и сказалъ:

— Сдались!

— Въ плѣнъ?

— Да... Надъ нашимъ флагомъ уже вѣетъ флагъ непріятеля.

— Сколько судовъ?

— Четыре броненосца!

— Четыре! Боже мой, честь, доблесть русскаго флота,—все погублено однимъ невѣрнымъ шагомъ! Но мы-то, мы-то, вѣдь, лейтенантъ, не сдадимся?

— Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, капитанъ.

— Вѣрю. Такъ вотъ что. Вы возьмите съ собой двухъ минеровъ и отправляйтесь въ минное отдѣленіе!

— Слушаю, капитанъ!

— Вы, очевидно, догадываетесь, зачѣмъ я васъ посылаю туда?

— Да.

— И не боитесь?

— Капитанъ!..

— Вѣрю, вѣрю, юный другъ. Ну, съ Богомъ! А я сейчасъ поведу свое судно въ аттаку, въ послѣднюю аттаку. Поцѣлуемтесь, лейтенантъ!

И вотъ подъ громъ шрапнелей, гранатъ, свистъ ядеръ посѣдѣвшій капитанъ и юный лейтенантъ крѣпко обнялись и поцѣловались.

— Теперь на мѣста!

Лейтенантъ спустился внизъ.

— Васильчукъ, Еремѣевъ, — крикнулъ онъ, — за мной!

— Есть!—и два почернѣвшихъ отъ порохового дыма минера бѣгомъ бросились за лейтенантомъ, спустившимся въ кормовой трюмъ.

Пока они спускались, капитанъ отдалъ приказаніе дать полный ходъ впередъ и броненосецъ, обстрѣливаемый, грозно двинулся на отрядъ крейсеровъ, стоявшихъ впереди боевой линіи непріятеля. Разсѣкая волны, двигался онъ среди рвущихся снарядовъ и завыванья бомбъ, отвѣчая выстрѣлами на выстрѣлы.

Но не долго шелъ броненосецъ. Справа на него надвинулось большое непріятельское судно и удачнымъ выстрѣломъ проломило и вторую носовую сторону. Броненосецъ зарылся носомъ въ воду, корма поднялась.

Все это чувствовалъ лейтенантъ со своими минерами и приготовился.

Вотъ уже они не могутъ стоять, полъ дѣлаетъ сильный уклонъ.

— Васильчукъ, Еремѣевъ, готово?

— Есть, ваше благородіе!

- Ну, Господи, благослови!

Зажгли фитиль и въ темнотѣ, не торопясь, поднялись на верхнюю палубу.

Но здѣсь Еремѣевъ вдругъ заволновался.

— Что съ тобой?

— Ваше благородіе, я внизъ, а то вдругъ погаснетъ.

Лейтенантъ махнулъ рукой. Еремѣевъ скрылся.

— А я, ваше благородіе, послѣднюю минку пущу, — заявилъ Васильчукъ и, не дожидаясь разрѣшенія, пустилъ.

И мина Васильчука была удачна. Она впилась въ корму непріятельскаго судна, такъ грозно шедшаго на броненосецъ, пробила загородки и разорвалась въ пороховомъ складѣ. Клубъ дыма поднялся надъ моремъ и, когда онъ разсѣялся, непріятельскаго судна не было видно. Оно погибло. Это было послѣднимъ, что видѣла команда броненосца, который черезъ минуту былъ самъ разорванъ на куски отъ взрыва и нашелъ смерть въ студеныхъ волнахъ океана.

Къ вечеру бой былъ конченъ.

КОНЕЦЪ.

КРУШЕНІЕ.

Повѣсть

Вал. Свѣтлова.

(Продолженіе.)

МАТВѢЙ Семеновичъ продолжалъ:

— Нѣтъ, знаете, Иванъ Петровичъ, тутъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Въ эдакой дырѣ нужно или пить, или любить.

— Это одно—и то-же?

— Совершенно. Опьяненіе. Не все-ли равно, чѣмъ опьяняться: алкоголемъ, никотиномъ или аморином? Аморинъ, это — ядъ любви, еще не открытый... такъ сказать, дѣйствующее начало любви. Вотъ жизнь!—вздохнулъ онъ.—Для чего я „ночей не досыпалъ, куска не доѣдалъ“, какъ говорится? Для чего курсъ кончалъ? Для того, чтобы попасть въ эту окраинную дыру и сдѣлаться завѣдующимъ участкомъ шоссе, по которому перевозятъ почту и пассажировъ? Для того, чтобы получать ежедневно въ клубѣ по порціи тефтелей и два раза въ мѣсяцъ выговоры отъ начальника дистанціи? Но это—стажъ. Ничего не подѣлаешь. Еще годъ-два, а потомъ переведусь въ Питеръ. Гнусно здѣсь. Все ненатуральное: зимы нѣтъ настоящей, народія какая-то, пищи нѣтъ: бутафорія какая-то, скверненькій театръ. Домъ начальника области называется „дворцомъ“... Газеты приходятъ черезъ пять дней. Можетъ быть, во Франціи теперь имперія, а мы объ этомъ узнаемъ черезъ пять дней и всѣ эти пять дней будемъ жить въ состояніи историческаго невѣжества. Что вы говорите?

— Ничего. Я слушаю.

— А люди?.. Присутствующіе подразумѣваются, то есть, я хочу сказать—исключаются...

— Благодарю васъ...

— Нѣтъ, правда! Что это за люди? Одинъ проклинаетъ судьбу за то, что онъ—чиновникъ; другой—за то, что женатъ; третій—и за то, и за другое. Никто, вѣдь, въ сущности, не работаетъ, а всѣ уставши. А женщины? Развѣ здѣсь женщины? Но, другъ мой, вѣдь, женщина, это—радость жизни... Какая-же радость жизни, если здѣсь генеральши пятидесяти лѣтъ мнятъ себя очаровательными и ломаются, какъ свиньи на веревкѣ? Никто за ними не ухаживаетъ, а онѣ дѣлаютъ видъ, что всѣ ими увлечены. Отъ скуки все это. Вы давно видѣли Натарову?—внезапно спросилъ онъ

Иванъ Петровичъ вздрогнулъ, но тотчасъ-же взялъ себя въ руки.

— Недавно,—сухо и коротко отвѣтилъ онъ.

— Натарова, Юлія Алексѣевна,—раздумчиво продолжалъ инженеръ,—хорошенькая женщина... то есть, дѣвушка... и даже очень хорошенькая. Вы знаете, что мнѣ въ ней особенно нравится?

Онъ помолчалъ, ожидая отвѣта. Но, такъ какъ отвѣта не было, онъ продолжалъ:

— Мнѣ нравится въ ней... Впрочемъ, у нея все хорошо: ростъ, тонкая фигурка, томный цвѣтъ лица, волосы, зубы, глаза,—однимъ словомъ, все. И въ особенности эта энергія. Вотъ она не скучаетъ, не ноетъ, не хандритъ. Отъ нея вѣетъ жизнью. Что вы говорите?

— Да ровно ничего!

— Вы со мной несогласны?

Офицеръ опять промолчалъ.

— Да... вѣетъ жизнью. Но у нея есть одинъ недостатокъ...

Офицеръ насторожился.

— И даже два,—продолжалъ инженеръ,—и оба крупныхъ. Первый—то, что она—массажистка. Бр... никогда, напримѣръ, не могъ-бы жениться на массажисткѣ. „Какъ здоровье вашей супруги?“—„Ничего, благодарю васъ, она ушла на массажъ“.—„Что подѣлываетъ ваша супруга?“—„Благодарю васъ, она пошла массировать губернаторшу, а потомъ пойдетъ массировать жену корпуснаго командира“. Нѣтъ, мерси, я на такой не женился-бы...

„Да тебѣ, кажется, этого никто и не предлагаетъ,—подумалъ Иванъ Петровичъ.—Съ чего это его разобрало?“

И вдругъ, почувствовавъ ненависть къ инженеру, офицеръ сказалъ ему:

— Вы, кажется, еще находитесь на той стадіи развитія, когда люди дѣлили трудъ на почтенный, полупочтенный и позорный.

„Ага! пробралъ я-таки тебя! за живое задѣлъ!“—подумалъ Матвѣй Семеновичъ.

— Я не знаю,—весело отвѣтилъ онъ,—какая это стадія развитія. А вы, повидимому, пребываете на стадіи шестидесятыхъ годовъ, когда всякій трудъ признавался почтеннымъ.

— Именно. Если человѣкъ честно трудится, онъ достоинъ уваженія, независимо отъ характера его работы.

— Гм... Такъ что и палачъ, честно отрубающій головы и въ потѣ лица добывающій хлѣбъ, заслуживаетъ уваженія? И подрядчикъ по вывозу нечистотъ?..

— Я думаю, что массажъ не имѣетъ ничего общаго съ этими профессіями.

— Это, милый мой, не отвѣтъ, а увиливанье. Но все равно. Вы должны согласиться съ тѣмъ, что такой изящной дѣвушкѣ, какъ Юлія Алексѣевна, не идетъ какъ-то растирать жирныя тѣла корпусныхъ

командиршъ и губернаторшъ. Это—первое. А второй ея крупный недостатокъ, это—ея maman, Ѳедосья Егоровна, знаменитая мѣстная портниха. Вѣдь, вы ее знаете?—прищурившись, спросилъ онъ и тотчасъ-же продолжалъ:—Ѳедосья Егоровна, которая обшиваетъ здѣшнихъ дамъ по собственному вкусу, но она и дамы почему-то считаютъ этотъ вкусъ „парижскимъ“.

— Почему-же Ѳедосья Егоровна является „недостаткомъ“ Юліи Алексѣевны?

— Помилуйте! Во-первыхъ, почтенная Ѳедосья Егоровна носитъ фамилію Никольской; я долго думалъ, что это—ея артистическій псевдонимъ, такъ сказать, фирма ея мастерской. Но нѣтъ! Оказалось, какъ это ни странно, что мать зовутъ Никольской, а дочь—Натаровой. Только и есть общаго, что въ первой буквѣ. А изъ сего слѣдуетъ пунктъ: Юлія Алексѣевна—незаконная дочь Ѳедосьи Егоровны. Быть дочерью знаменитой захолустной портнихи—лестно; но быть незаконной дочерью – уже менѣе лестно. Ну-съ, во-вторыхъ, Ѳедосья Егоровна—мѣщанка и говоритъ „абизательно“, вмѣсто „обязательно“, и чрезвычайно любитъ это дурацкое слово. А, въ третьихъ, вообще она—мать. Ну, а извѣстно всякому гимназисту приготовительнаго класса, что каждая мать есть будущая теща. И еще извѣстно изъ исторіи народовъ, что теща есть звѣрь рыкающій, стозѣвный и лаяй.

Иванъ Петровичъ давно уже барабанилъ по столу пальцами, что служило у него внѣшнимъ признакомъ глубокаго раздраженія.

— Да что вы собираетесь жениться, что-ли?

— На комъ?—поднявъ брови, спросилъ Матвѣй Семеновичъ.

— Да на Юліи Алексѣевнѣ.

— Храни меня Богъ и святые пророки! Эта осетрина недурна,—спокойно сказалъ онъ, дожевывая кусокъ,—должно-же быть хотя что-нибудь недурное въ обѣдѣ! Человѣкъ!

— Чего изволите?

— Откуда берете осетрину?

— Привозная съ.

— То-то. Ничего больше, ступай. Впрочемъ, послѣ „желея“ вашего дай мнѣ кофе... Да не цикорія, а кофе!

— Слушаю-съ.

— Да... такъ о чемъ мы говорили?—добродушно продолжалъ Матвѣй Семеновичъ, не замѣчая все растущаго раздраженія Ивана Петровича.—О женитьбѣ. Такъ-съ. Откуда-же вы взяли, что я могу жениться на очаровательной Юліи Алексѣевнѣ? Это была-бы неслыханная комбинація: инженеръ плюсъ массажистка. Что общаго? А, впрочемъ, общее есть: я выглаживаю дорожки, а она—тѣла. Но, нѣтъ, нѣтъ! Такъ, поухаживать—отчего-же! И даже не безъ удовольствія, потому что дѣвица она невредная. И даже скажу больше ..

— Вы больше ничего не скажете,—наружно спокойно и твердо проговорилъ Иванъ Петровичъ, но голосъ его былъ глухъ и ему самому показался чужимъ.

Инженеръ вынулъ салфетку изъ-за жилета и, скомкавъ ее, положилъ на столъ.

— Почему?—протянулъ онъ съ удивленіемъ.

— Потому что я не позволю вамъ говорить о Юліи Алексѣевнѣ въ этомъ тонѣ.

Инженеръ поднялъ бровь.

— Вы?—съ особеннымъ выраженіемъ переспросилъ онъ.

— Да я.

— На основаніи?..

— Это васъ не касается.

— Но позвольте..

— Ничего не позволю!—уже крикнулъ Иванъ Петровичъ такъ, что лакей прибѣжалъ изъ буфетной.

— Чего изволите?

— Подай Ивану Петровичу содовой воды!—приказалъ насмѣшливымъ тономъ инженеръ и лакей убѣжалъ исполнять приказаніе.

Инженеръ всталъ.

— Можетъ быть, когда вы охладитесь, вы мнѣ объясните,—проговорилъ онъ.—Развѣ вы—родственникъ mademoiselle Натаровой? Или... чего добраго... женихъ?

Офицеръ тоже всталъ.

— Вы можете пить сами вашу содовую воду, а я вамъ могу сказать и безъ содовой воды, что Юлію Алексѣевну я уважаю, какъ честную труженицу и порядочную дѣвушку. Вотъ основаніе, на которомъ я никому не позволю говорить о ней въ этомъ пошломъ тонѣ. Мнѣ кажется, не надо быть ни родственникомъ, ни женихомъ, чтобы относиться порядочно къ порядочной дѣвушкѣ. Это—элементарно. И я васъ прошу избавить меня впередъ отъ такихъ разговоровъ.

Онъ сухо поклонился инженеру и вышелъ въ корридоръ.

„Дуракъ! — подумалъ съ презрѣніемъ Матвѣй Семеновичъ.—Держу пари на десять фунтовъ стерлинговъ, что онъ женится на этой массажисткѣ“.

И онъ выпилъ залпомъ принесенную лакеемъ воду.

Лакей, увидя уходившаго по корридору офицера, догналъ его.

— Прикажете получить?—спросилъ онъ Ивана Петровича.

— Вотъ получи на чай! А за обѣдъ запиши.

— Слушаю-съ. А только тамъ есть еще счетикъ за вами.

— Знаю. Сколько?

— Да больше четвертной будетъ. Захаръ Егорычъ приказали напомнить.

— Убирайтесь вы къ черту съ Захаромъ Егорычемъ. Что это въ самомъ дѣлѣ! Вотъ будетъ двадцатое число... ну, и получите. Не убѣгу, я думаю, изъ вашего клуба.

— Какъ можно-съ! А только напомнить слѣдуетъ для порядку...

— Провались.

— Слушаю-съ.

И лакей „провалился“.

II.

Матвѣй Семеновичъ прошелъ въ игорную комнату.

Игорная комната была очень большая; въ ней стояло много карточныхъ столовъ, большинство которыхъ было еще свободно вслѣдствіе ранняго времени.

Но на трехъ столахъ уже играли, а у четвертаго собравшіеся три игрока ждали прихода Матвѣя Семеновича.

Его встрѣтили шумными возгласами и тотчасъ-же къ нему подошелъ полковникъ, держа карты вѣеромъ.

— Отчего такъ поздно?—спросилъ онъ Матвѣя Семеновича, предлагая ему карту.

— Ждемъ ужъ часъ,—сказалъ офицеръ въ адъютантской формѣ.

— Какія-нибудь романическія приключенія, по обыкновенію,—вставилъ штатскій господинъ съ широкимъ полнымъ лицомъ и подстриженными около губъ, щетинистыми рыжеватыми усами.

СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА ГРАФА Ф. Э КЕЛЛЕРА. Съ картины Н. Н. Бунина.

Матвѣй Семеновичъ былъ нѣсколько взволнованъ.

— Въ этой-то дырѣ?—отвѣтилъ онъ.—Ну, ужъ не знаю, за кѣмъ тутъ можно ухаживать.

Адъютантъ дернулъ его за рукавъ и указалъ глазами на сосѣдній столъ, занятый дамами.

— Неловко, могутъ обидѣться,—проговорилъ онъ.

— Мушкатерки-то?—тихо сказалъ Матвѣй Семеновичъ и, вынувъ карту, побѣжалъ какой-то дрыгающей рысцой къ дамскому столу здороваться.

Дамы встрѣтили его довольными возгласами. Онъ былъ очень популяренъ въ городѣ, какъ инженеръ съ хорошими средствами и притомъ холостой, слѣдовательно, женихъ, и какъ „человѣкъ общества“, никогда не отказывающійся ни отъ одного вечера, ни отъ одной пульки, ни отъ одного пикника.

Матвѣй Семеновичъ обошелъ всѣхъ четырехъ дамъ и у каждой поочередно прикладывался къ ручкѣ.

Это все были дамы мѣстнаго бомонда: худая, какъ щепка, блѣдная и безкровная вице-губернаторша съ золотымъ пенснэ на тонкомъ, остромъ носу; маленькая и кругленькая жена городского головы съ жирными темно-каштановыми волосами, гладко расчесанными на двѣ половины, точно съ каждой стороны пробора лизнула ее по волосамъ корова; красивая стройная дама съ холоднымъ и презрительнымъ выраженіемъ лица, когда говорила со всѣми дамами, кромѣ вице-губернаторши; когда-же говорила съ вице-губернаторшей, то выраженіе ея лица дѣлалось, напротивъ, заискивающимъ и подобострастнымъ. Это была жена жандармскаго полковника. Четвертая дама держала себя независимо, будучи женою прокурора.

Онѣ играли съ большимъ увлеченіемъ въ мушку, не пропуская ни одного клубнаго дамскаго дня.

Партнеры Матвѣя Семеновича ожидали его съ видимымъ нетерпѣніемъ.

Съ нимъ любили играть и въ винтъ, и въ макао, который устраивали обыкновенно послѣ двѣнадцати винтовыхъ робберовъ и затягивали до позднихъ часовъ, когда уже приходилось платить штрафъ.

Любили съ нимъ играть потому, что онъ игралъ широко, свободно, смѣло, рискуя самъ и заставляя рисковать своего партнера, такъ, что даже господинъ съ щетинистыми усами, мѣстный казначей областного казначейства, игравшій съ такой выдержкой и осторожностью, словно боялся проиграть казенныя деньги, и тотъ вдругъ начиналъ рѣзвиться и рисковалъ объявить игру, имѣя пять картъ одной масти и два туза. Обыкновенно же онъ умалчивалъ въ такихъ случаяхъ и никакія силы неба и ада не заставили-бы его объявить игру съ такими „невѣрными“ картами.

— Садитесь, садитесь, что терять драгоцѣнное время,—торопливо сказалъ Матвѣю Семеновичу казначей, когда онъ отошелъ отъ дамскаго стола.—И то уже часъ ждемъ.

— Ну, Калистратъ Григорьевичъ, надо-же мнѣ и пообѣдать,—отвѣтилъ Матвѣй Семеновичъ.

— Вамъ сдавать. Намъ съ вами. Поворожите-ка, чтобы какъ въ прошлый разъ... сразу большой безъ козырей... А обѣдаете. вы поздно... все еще не можете отстать отъ питерской привычки. Я вотъ обѣдаю, какъ только казначейство закрывается, въ три—четыре часа. Оно полезнѣе, да и время не пропадаетъ.

— Не могу я такъ рано обѣдать... четыре пики.

— Ого! — радостно вскричалъ казначей. — Вотъ это дѣло!

Онъ держалъ карты подъ столомъ, чтобы ихъ никто не видѣлъ, и, заглянувъ въ нихъ, сказалъ:

— А я пассъ.

Но уже по его радостному возгласу Матвѣй Семеновичъ зачуялъ у него карту и старался подбодрить его.

— Ну, такъ я четыре черви, — выждавъ очередь сказалъ онъ.

— А я все-таки пассъ.

Матвѣй Семеновичъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Господи! Да говорите вы что-нибудь! — досадливо сказалъ онъ.

— Да что-же, коли нечего? Человѣческаго лица нѣтъ.

— А вы все-таки скажите.

— Господа, такъ нельзя, — проговорилъ съ грузинскимъ акцентомъ адъютантъ. — Что за вымогательство?

— А вы, князь, не сердитесь, — успокоилъ его Матвѣй Семеновичъ. — У насъ очевидный шлемъ и я самъ куплю, если Калистратъ Григорьевичъ не хочетъ.

И онъ протянулъ руку къ прикупкѣ.

Тогда казначей испугался, что его будутъ бранить, и, заглянувъ подъ столъ, быстро сказалъ:

— Ну... я безъ козыря.

— Экъ васъ когда разобрало! Да что вы, въ самомъ дѣлѣ! Тузовъ скрываете? Вѣдь, я вамъ сразу четыре пики сказалъ, чего-же вамъ еще-то? Покупайте.

Казначей купилъ еще двѣ пики и туза.

Объявили большой шлемъ и выиграли.

Начали новую сдачу, во время которой Матвѣй Семеновичъ обратился къ полковнику:

— Николай Сергѣевичъ! Вы не обѣдаете здѣсь и не знаете, что насъ стали отчаянно кормить.

— Я здѣсь ужинаю, Матвѣй Семеновичъ, и, право, этого не нахожу.

— Для ужина лучше готовятъ. А обѣдъ прямо невозможенъ. Вы — здѣсь старшина. Хоть-бы предприняли что-нибудь.

Полковникъ сдалъ карты.

— Не могу-съ! Ничего не могу. Я—старшина, но хозяйственной частью завѣдую не я, а другой старшина, какъ вамъ, конечно, извѣстно, Викторъ Викторовичъ, нашъ достоуважаемый городской голова.

— Что вы говорите о мужѣ?—уловивъ послѣднія слова, откликнулась маленькая, кругленькая дама со своего стола. — Онъ плохо слѣдитъ за клубной кухней? Подумайте, сколько у него дѣла съ городомъ!

— Да, именно,—вполголоса сказалъ Матвѣй Семеновичъ,—потому у него и городъ не въ порядкѣ. На базарѣ такой воздухъ!..

— А коли ему некогда возиться съ клубомъ, такъ не лѣзь въ старшины. Очень просто!—такъ-же проговорилъ казначей, который много разъ самъ пробирался въ старшины, но никогда не былъ выбираемъ.

— А мой мужъ хотѣлъ-бы быть старшиной, да его въ послѣдній разъ не выбрали, — заявила жена прокурора. — Здѣсь чрезвычайно мало преступленій, и ему дѣлать нечего.

(Продолженіе будетъ).

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Вдали отъ шума городского. (Къ рис. на стр. 961.) Далеко - далеко остался шумный городъ, съ его сутолокой и смрадомъ. Здѣсь, на лонѣ природы, подъ сѣнью зеленыхъ деревьевъ, на берегу ручейка, что такъ тихо, какъ-бы успокаивающе, журчитъ, не слышно городского шума и такъ легко-легко дышится. Мечты и грезы вереницею несутся въ мысляхъ. Какъ обрывки облаковъ на небѣ, онѣ то перегоняютъ другъ друга, то сцѣпляются между собою. И какъ разнообразны онѣ! Мечты о счастьѣ, грезы о любви вдругъ мѣшаются со всѣми воспоминаніями о томъ-же далеко оставленномъ городскомъ шумѣ. Невольно рождается представленіе о томящихся въ этой сутолокѣ и шумѣ людяхъ и здѣсь, вдали, среди ликующей и поющей хвалу Творцу природы, на глаза вдругъ навертываются непрошенныя слезы, святыя слезы, льющіяся за страданія людей.

Индѣйское посольство у великаго князя Василія III. (Къ рис. на стр. 969.) Великій князь Василій III Іоанновичъ, продолжатель политики своего отца, собирателя земли русской, Іоанна III, старался развивать мирныя сношенія съ иноземцами и принималъ у себя очень много посольствъ изъ разныхъ земель. Интереснѣйшимъ изъ этихъ посольствъ было индѣйское, отъ хана Бабура, одного изъ тамерлановыхъ потомковъ, знаменитаго основателя имперіи Великихъ Моголовъ, который, будучи изгнанъ изъ Хоросана, бѣжалъ въ Индостанъ, гдѣ мужествомъ и счастьемъ утвердилъ свое господство надъ прекраснѣйшими землями въ мірѣ. Обитавъ нѣкогда на берегахъ Каспійскаго моря, Бабуръ имѣлъ свѣдѣнія о Россіи, желалъ, несмотря на отдаленіе, быть въ дружелюбной связи съ ея монархомъ и писалъ къ нему о томъ со своимъ чиновникомъ, Хозею Уссеиномъ, предлагая, чтобы послы и купцы свободно ѣздили изъ Индіи въ Москву, а изъ Москвы въ Индію. Великій князь принялъ Уссеина милостиво, отвѣтствовалъ Бабуру, что радъ видѣть его подданныхъ въ Россіи и не мѣшаетъ своимъ ѣздить въ Индію, но,—какъ сказано въ лѣтописи,—«не приказывалъ къ нему о братствѣ: ибо не зналъ, что онъ—самодержецъ или только урядникъ индѣйскаго царства».

На жатвѣ. (Къ рис. на стр. 975.) Уже давно пожелтѣла рожь и ея волны отъ вѣтра переливались на солнышкѣ не зеленымъ ковромъ, а чистымъ, яркимъ золотомъ. Стяжелѣли колосья и стали гнуть стебель къ сырой землѣ. Пришла пора жатвы. На славу стояла погода. Цѣлый день, какъ громадный раскаленный шаръ, палило красное солнышко. Гурьбой высыпали на поле крестьяне и закипѣла работа. И мужчинамъ, и женщинамъ—всѣмъ есть дѣло на жатвѣ. Какъ-бы вздыхая подъ косами и серпами, ложатся на землю тяжелые снопы. Новые и новые ряды ихъ стелются по землѣ, меньше и меньше становится волнующееся отъ вѣтра море колосьевъ. Мудрено-ли заглядѣться на работу крестьянъ на жатвѣ кому-бы то ни было,—заглядѣлись на нее и выѣхавшіе на прогулку въ поле помѣщики. Они пріостановили своихъ коней и любуются на спѣшную и ловкую работу жнецовъ.

Въ ясный день. (Къ рис. на стр 977.) Сіяющимъ и ликующимъ кажется все на землѣ въ ясный, солнечный день. Радостными и веселыми выглядятъ люди, звонкими пѣснями оглашаютъ воздухъ птицы, какъ-то особенно ярко зеленѣютъ листья на деревьяхъ, красивѣе кажутся цвѣты въ полѣ, что нестрятъ собою зеленый коверъ земли. А какъ весело играетъ солнышко на лѣсной прогалинѣ, пробиваясь своими лучами сквозь лѣсную чащу, какъ прыгаютъ по ковру земли тѣни древесныхъ вѣтвей и листвы! На рисункѣ-виньеткѣ художника Е. А. Степанова очень реально изображена лѣсная прогалина въ такой ясный лѣтній день.

Смерть генерала графа Ѳ. Э. Келлера. (Къ рис. на стр. 985.) Этотъ рисунокъ, копія съ картины художника Бунина, иллюстрируетъ грустный моментъ изъ текущей войны. Смерть начальника восточнаго отряда манчжурской арміи графа Ѳедора Эдуардовича Келлера послѣдовала на Янзелинскомъ перевалѣ 18-го іюля 1904 года, и доблестному генералу не пришлось быть свидѣтелемъ дальнѣйшихъ нашихъ неудачъ. Своевременно, въ отдѣлѣ нашего журнала «Всемірное Обозрѣніе», № 33 за 1904 г., уже была описана эта трагическая кончина. Повторяемъ теперь со словъ очевидца князя Ширинскаго-Шихматова подробности:

«Восемнадцатаго, до часу, — разсказывалъ князь, — бой шелъ самый напряженный; затѣмъ, когда артиллерійскій огонь сталъ нѣсколько затихать, то графъ со своимъ отрядомъ, всѣ въ ярко-бѣлыхъ кителяхъ, предпринялъ объѣздъ позиціи. При приближеніи къ перевалу, у подножья котораго на противоположной сторонѣ, стоялъ московскій летучій отрядъ, графа предупредили, что онъ становится цѣлью для непріятеля. Однако, графъ не обратилъ вниманія и, сойдя съ коня, пѣшкомъ обходилъ позицію, которая сильно обстрѣливалась. При спускѣ за перевалъ разорвавшійся снарядъ обдалъ его шрапнелью. Фельдфебель, подбѣжавшій къ нему, слышалъ послѣднія слова тяжело раненаго: «Оставьте, охъ, Господи!». Черезъ двѣ минуты его не стало. Такъ умеръ сподвижникъ Скобелева. Тѣло графа перенесли въ вагонъ «Краснаго Креста» для слѣдованія въ Россію. Внутри вагонъ убрали цвѣтами и зеленью. Тѣло провожали сослуживцы и кавалергарды Александровскій, Родзянко, Бибиковъ и сынъ покойнаго».

СОДЕРЖАНІЕ № 31-го иллюстрированнаго журнала **„РОДИНА“: Весенній захватъ.** Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова). (Прод.)—**Послѣдняя встрѣча.** Разсказъ изъ русско-японской войны М. Ѳ. Караулова. (Прод.) — **Утро въ деревнѣ.** Стих. Т. Киселева.—**Послѣдняя мина.** Набросокъ И. Ешифанова. — **Крушеніе.** Повѣсть Вал. Я. Свѣтлова. (Прод.) — **Описаніе рисунковъ.** — **РИСУНКИ:** Вдали отъ шума городского. Ориг. рис. Е. А. Невскаго.—Въ ясный день. Ориг. рис. Е. Степанова.—Индѣйское посольство у вел. кн. Василія III. Ориг. рис. Б. Кремлева. — На жатвѣ. Съ карт. проф. К. Вирушъ-Ковальскаго. — Смерть генерала гр. Ѳ. Е. Келлера. Съ карт. Н. Бунина.

РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха. Сказъ о томъ, какъ Коля у Лизы на дачѣ побывалъ. Лѣтняя картинка К. Ивина. — Догадливый. (3 рис.) — Рабочій день. (1 рис.) — Гершель на выставкѣ. (4 рис.) — Мозаика. — Перестановка буквъ № 34 — Загадка № 23. — Географическая задача № 23. — Ребусъ № 8. — Загадка № 24. — Магическій квадратъ № 10. — Створчатая задача № 25. — Энстихозъ № 5. — Перестановка буквъ № 35. — Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ отдѣлѣ „Развлеченіе въ часы отдыха“ къ журналу № 29.

ВСЕМІРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Германскій принцъ Леопольдъ въ выборгскомъ полку. (Съ 1 рис.)—Крейсеры „Олегъ“, „Жемчугъ“ и „Аврора“ въ Маниллѣ. (Съ 1 рис.) — Переговоры о мирѣ. (Съ 2 портр. и 1 рис.) — Тайн. сов. П. Х. Шванебахъ. (Съ портр.) — Ген.-отъ-инф. П. П. Дурново. (Съ портр.) — Баронъ Г. П. фонъ Медемъ. (Съ портр.) — Султанъ Абдулъ Гамидъ и покушеніе на его жизнь. (Съ портр. и 1 рис.) — Засѣданіе парламента въ Лондонѣ.

ЭТОТЪ НОМЕРЪ СОСТОИТЪ:

изъ 32 столбцовъ журнала, 12 столбцовъ „Развлеченіе въ часы отдыха“, 12 столбцовъ „Всемірное Обозрѣніе“ и 24 столбцовъ газеты.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Популярно-научная и литературная библіотека „Родины“

„ЗНАНІЕ и ПОЛЬЗА“ 1905 г. Книга 7-я

Дополненіе обыденной суточной пищи малыми количествами

ГЕМАТОГЕНА Д-РА ГОММЕЛЯ

вызываетъ у дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ

быстрое улучшеніе аппетита; быстрое поднятіе силъ; укрѣпленіе нервной системы.

◆ Имѣется во всѣхъ аптекахъ и торговляхъ аптекарскими товарами. ◆

Главное депо для Россіи: Б. Охтенская Аптека, Отд. „Гематогенъ“ СПБ.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ! Требуйте настоятельно гематогенъ „Д-ра ГОММЕЛЯ“. Тысячи врачей всѣхъ странъ дали блестящіе отзывы.

По стопамъ великаго Петра.

Истор. ром. А. И. Красницкаго. Спб., ц. 1 р. съ перес.

Настоящій романъ-хроника описываетъ добровольное присоединеніе Грузіи къ Россіи и дербентскій походъ гр. Зубова. Авторъ увлекательно разсказываетъ о подвигахъ русскихъ войскъ на Кавказѣ и вмѣстѣ съ историческими фактами развиваетъ оригинальную романическую интригу. Требованія просятъ адресовать въ книгоиздательство А. А. Каспари: С.-Петербургъ, Лиговская улица, собств. домъ, № 114.

КУРСЫ БУХГАЛТЕРІИ А. И. ЯНСОНА,

СПБ., Демидовъ пер., № 5, для лицъ обоего пола. Предметы: бухгалтерія коммерческія вычисл., коммерція, стенографія, чистописаніе, нов. языки. Нач. уч. 1-го сент. Тамъ-же **ТОРГОВАЯ ШКОЛА** для мальчиковъ. Пріемъ отъ 10—12 ч. и отъ 6—7 ч. Подр. усл. высыл. 395

Д-ра Шиндлеръ-Барнай „Маріенбадскія Редукціонныя Пилюли“ **противъ**

ОЖИРѢНІЯ

и отличное слабительное средство.

Настоящая упаковка 60 пилюль

въ коробкахъ краснаго цвѣта, съ описаніемъ способа употребленія на русск., франц. и нѣмецк. языкахъ Продажа во всѣхъ лучшихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. 607

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ

для домашнихъ библіотекъ по особо

УДЕШЕВЛЕННОЙ ЦѢНѢ

имѣется въ книгоиздательствѣ

А. А. Каспари, С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., № 114.

ОСОБОЕ ДОПОЛНЕНІЕ изданій „РОДИНА“

ДВѢ КАРТИНЫ-ОЛЕОГРАФІИ

исполненныя въ 23 тона; каждая размѣромъ 29×20 дюйм., по оригиналамъ слѣдующихъ извѣстнѣйшихъ художниковъ

I

„Въ морозный день на тройкѣ“.

Съ картины профессора Н. Е. Сверчкова

II

„Ялта съ моря“.

Съ картины профессора Л. Ф. ЛАГОРІО.

ОБѢ КАРТИНЫ стоятъ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО для гг. подписчиковъ „РОДИНЫ“ ТОЛЬКО ВОСЕМЬДЕСЯТЪ (80) КОПЕЕКЪ съ пересылкой.

За вышеуказанную дешевую цѣну каждый подписчикъ имѣетъ право получить эти ДВѢ КАРТИНЫ ВМѢСТѢ только **одинъ** разъ. Желающіе получить **добавочныя** картины приплачиваютъ за **КАЖДУЮ картину** по **одному** рублю. Для лицъ, не состоящихъ подписчиками „Родины“, КАЖДАЯ КАРТИНА стоитъ ТРИ руб.

Требованія адресуются въ **главную контору редакціи изданій „РОДИНА“ (А. А. Каспари), С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., 114.**
Гербовыя и почтовыя марки въ уплату **НЕ принимаются. Наложеннымъ платежомъ картины НЕ высылаются.**

КРЕМЪ АМИКОСЪ (CREME AMYKOS)

Гигіеническое средство для кожи и лица

употребляется съ успѣхомъ при всѣхъ легкихъ болѣзняхъ кожи лица, какъ-то: веснушкахъ, прыщахъ и пр. Въ особенности рекомендуется гг. артисткамъ и артистамъ послѣ снятія грима, какъ средство, уничтожающее жаръ и прочія послѣдствія гриммировки. Цѣна банки 1 р. 25 коп., 2 банки высылаются за 3 руб. прямо отъ изобрѣтателей: Торговый домъ **„Парфюм. Лабораторія І. ГОЛЛЕНДЕРЪ“, С.-Петербургъ. Разъѣзжая ул., № 13.** 178

Золотая медаль 1893 г.

(Главный складъ у Г. Ф. Юргенсъ. Москва.)

НЕСТЛЕ

дѣтская молочная мука

Сгущенное • молоко НЕСТЛЕ

КОНЬЯКЪ ШУСТОВА

Въ книжномъ складѣ изданій „РОДИНА“,

С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д., 114, при главной конторѣ журнала „Родина“, или въ его отдѣленіяхъ: 1) С.-Петербургъ, Садовая, д. № 20, и 2) Москва, Петровскія линіи (противъ гостиницы „Россія“),

продается слѣдующее изданіе А. А. Каспари:

ЧУДО-БОГАТЫРИ.

(Изъ жизни генералиссимуса князя А. В. Суворова.)

Историческій романъ А. И. Красницкаго. Спб., п. 1 р. съ перес.

Этотъ превосходный историческій романъ представляетъ особенный, исключительный интересъ ввиду того, что въ немъ въ романической формѣ, на почвѣ захватывающей вниманіе читателя интриги, описана жизнь величайшаго изъ русскихъ героевъ, генералиссимуса князя А. В. Суворова-Рымникскаго, и его сподвижниковъ, славныхъ русскихъ воиновъ, русскихъ „чудо-богатырей“.

Сенсац. новость.

„ФИГАРО безопасная бритва. Каждый этой бритвой можетъ бриться совершенно безопасно, даже на полномъ ходу поѣзда. Бритва эта изъ самой лучшей англійской стали. Болѣе 2.000.000 шт. въ употребленіи. Ц. 3 р. 50 к. съ перес. Оптово-розничн. складъ Леонарди, СПБургъ, Пассажъ, 53. Фирма сущ. съ 1867 г. Много благодарств. пис. Ручат. за каж. бритву. 377

Только за 3 р. 75 к.

высылаю налож. платеж. безъ задатка изящные и прочные карманные мужскіе откр. часы изъ настоящаго французск. новаго золота „Вѣкъ“, 1-го сорта, ●непозолоченные●, заводъ головкою разъ въ 36 часовъ, съ ручательствомъ за прочность металла и вѣрность хода на 6 лѣтъ. Часы награждены медалями и ничѣмъ не отличаются отъ дорогихъ золотыхъ часовъ, стоящихъ 100 р. Такіе-же глухіе—5 р. 50 к., 6 р. 50 к. и дороже. Дамскіе глухіе — цѣна 7 р. 50 к. Адресовать: Въ главный складъ французскихъ часовъ Михаила Якубовича въ Варшавѣ, Желѣзная ул., уг. Грибной—С. ●Безплатно къ часамъ прилагается цѣпочка того-же металла и брелокъ.● P. S. Премія: при заказѣ 5 шт. часовъ сразу прилагаются 1 часы безплатно. ●Остерегайтесь поддѣлокъ. Обращ. вним. на марку „Вѣкъ“. 332

Цѣна отдѣльныхъ номеровъ журнала „РОДИНА“, кромѣ 1-го, безъ приложеній—15 коп. безъ перес. и 25 коп. съ пересылкой

ЧИСТОЕ ЛИЦО

получается скоро послѣ употребленія новаго средства

Угрих отъ ПРЫЩЕЙ и УГРЕЙ

Продается вездѣ по 1 р. 90 к. за банку. Перес налож. плат. изъ оптов. склада Рич. Пето. СПБ. Караван. ул. 16 кв. 9.

Дозволено цензурою. Спб., 16-го іюля 1905 г. Графич. завед. «Родины» (А. А. Каспари), Лиговская ул., соб. д., № 114.

Сканирован reduktorer rutracker.org